

Веселие на костях предков

Андрей
Казанский

Время неумолимо, всё перемалывает в зыбучий песок, который потом струится, перетекая из колбы в колбу песочных часов. Как говаривал старик Державин:

**Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.**

Но ведь что-то остаётся? Руны на замшелых камнях, почерневшие берестяные грамоты, свитки, опалённые по краям, летописи, книги, рукописи...

Благодаря всему этому бесценному наследию и не обрывается связь времён и народов. Да, иногда у человечества случаются глубокие провалы в памяти, оно как бы пытается жить с чистого листа, но...

Вновь приходит время собирать камни, и мы кропотливо восстанавливаем утраченные страницы, мы вспоминаем забытые имена и благодарим, а ведь «благодарность – это память сердца», – как сказал поэт Константин Батюшков.

Мы вспоминаем тех, кто жил до нас и творил во благо Отечества, чей «дым нам сладок и приятен»!

Мне вспоминаются чёрно-белые кадры кинохроники торжественного открытия в Казани, в честь 50-летия Великой Октябрьской революции, Дома культуры химиков. Это было новое слово в архитектуре – огромные витринные стёкла во весь фасад, мозаика в «рост» здания, скошенные формы углов, стройные ряды плафонов и бережно сохранённые строителями сосенки у входа. Надо сказать, что советские строители особо не церемонились с окружающим ландшафтом, могли махом срыть живописный холм или засыпать живое озерцо, чтобы только была ровная площадка, а тут надо же!

Вокруг новостроя хвойным чудом шумела настоящая сосновая роща, и воспринималась она зелёным островком, оставшимся от дремучего леса, в котором некогда водились медведи и всякое дикое зверьё до того, как сюда, в Козью слободу, пришёл город. Проложили по рощице культурные дорожки, поставили фонари и урны. Здесь же, на полянке, устроили шумный детский городок с горками и качелями. Короче говоря, народ радовался зелени, птичкам да лесному воздуху, и ничто не омрачало его прогулок. Разве что любопытные ребятишки из близлежащей школы, лазавшие по кустам, иногда натыкались на потемневшие от времени могильные плиты с еле различимыми надписями...

В те годы эти осколки старины далёкой никого не волновали, народ наш целенаправленно шёл в светлое завтра. На взгорке рощи, над улицей Декабристов светлый путь народу указывал неказистый памятник В. И. Ленину. И не было места ностальгии и вообще прошлому России до 1917 года.

А ведь здесь, где весело скрипят сегодня качели, где в новогодние празднества зажигается огнями лучшая ёлка города, и вокруг неё трусят верблюды, кони, пони с юными седоками, где льётся рекой пиво и щекочут ноздри дым многочисленных мангалов и аппетитный запах шашлыков, до революции находилось кладбище Кизического монастыря. Здесь под нашими ногами, под резвыми колёсами шумного картинга, который обосновался в самом центре рощи, покоятся кости наших предков, именитых казанцев. Таких, как Г. Каменев, И. Яковкин, И. Симонов, И. Толстой...

Да, да – прах деда великого Льва Толстого – Ильи Андреевича Толстого покоится именно здесь. Являясь головой Казани, благодаря своему высокому положению, Илья Андреевич после смерти упокоился на самом престижном городском кладбище, коим в те времена являлся погост Кизического монастыря.

Казанский поэт Гавриил Каменев, поэзией которого восхищался сам Пушкин и высоко ценил Карамзин, любил «выгуливать» своё вдохновение на полях Козьей слободы и в Кизической роще. Вдали на холме белел казанский Кремль и шумел восточный город, а здесь сельчане пасли коз, удили в глубоких озерах карасей, и всю окрестность умиротворял звон монастырского колокола. Кстати, сам поэт занимал в городском магистрате должность бургомистра и также впоследствии был погребён на этом кладбище. На могильной плите поэта была выбита такая эпитафия:

В ком некогда пылал небесный
чистый пламень,
Кто добродетель чтит, кто был
несчастливым друг,
Кто бедного любил – того
остывший прах
Здесь кроет холодный камень.

Где-то здесь был похоронен и купец Иван Дряблов, в доме которого в 1722 году отпраздновал своё пятидесятилетие сам Петр I, отписав хозяину за радушный приём Суконные мануфактуры, на которых впоследствии ткали парусину для флота, строящегося на верфях Адмиралтейской слободы Казани.

В этой земле нашёл свой вечный приют и Семён Михайлович Баратаев – князь, генерал-майор, губернатор Казани, состоявший в родстве с известным грузинским поэтом Николозом Бараташвили. Именно князь Баратаев заложил первый камень в основание Казанского казённого завода, позже – Порохового. Князь также являлся инициатором открытия первого в городе русского театра. Улица Лобачевского когда-то в его честь называлась Баратаевской.

Ещё одно славное имя – Пётр Фёдорович Желтухин, генерал-лейтенант, представлял Казанскую губернию в Сенате. Здесь же покоятся три ректора Казанского Императорского Университета. Это – Илья Яковкин, Николай Ковалевский и Иван Симонов. Последний, кстати, участвовал вместе с мо-

реплавателями М. Лазаревым и Ф. Беллинсгаузеном в открытии Антарктиды.

В этой земле был погребён и губернатор Казани, князь Мансуров Борис Александрович, при котором и было основано это славное учебное учреждение – университет. Во время Отечественной войны 1812 года князь Мансуров занимался формированием ополчения из жителей Казанской губернии.

Тут же была могила дворянки Пентонди – матери известного казанского архитектора Фомы Ивановича, обрусевшего итальянца, украсившего своими приметными домами и особняками многие улицы губернского города. Из всего его многообразного архитектурного наследия упомянем лишь дом Мельникова (гостиница «Казань») и здание института благородных девиц мадам Родионовой (ныне в нём размещается Суворовское училище). Упомянем также надгробия начальника Порохового завода Тебенькова Я.П., Почётного гражданина Казани, купца Котелова Н.П., члена Императорской Академии наук Попова А.Ф.

Всего же в некрополе Кизического

Введенского мужского монастыря в период с XVII по XX век было погребено более трёх тысяч человек. И всё люди знаменитые делами и трудами своими во славу Казани и губернии.

Сегодня в центре парка «Сосновая роща» (так он официально назывался в советское время) вместо былой, почти корабельной рощи, торчат какие-то чёрные коряги, словно воздетые к небу старческие руки, вымаливающие прощения для всех нас, грешников беспмятных.. Не осталось ни одного надгробного камня (все они употреблены на поребрики новых дорог, ведущих в светлое будущее).

Зато увидим притулившихся на спинках скамеек бессменных любителей пива в россыпи вокруг себя пустых пластиковых баллонов, пакетиков, окурков... Они тут, как изваяния какие-то вечные...

Не так давно перед входом в парк со стороны строений монастыря появилась мраморная поминальная книга, на раскрытых страницах которой упомянута небольшая часть из тех, кто в свой год и час обрёл здесь покой. Увы, как оказалось, не вечный...

